

ходящие к дальневосточному региону⁵. Так, «если вьетнамские анекдоты, образующие циклы, более тяготеют к фольклору Юго-Восточной и Южной Азии, то отдельные устные забавные истории, не объединенные в циклы, нередко имеют параллели в китайском фольклоре» (стр. 15).

Возможно также, что известное сходство — историко-типологическое явление⁶. Ибо время зарождения и расцвета жанра анекдота и забавных историй во вьетнамском фольклоре — это период зарождения городской культуры. Этим временем отмечены значительные перемены. Аналогичные процессы происходили и в других странах Востока. Эта эпоха ознаменована появлением более демократических форм культуры, рассчитанных на более широкий круг читателей, слушателей, зрителей (например, японское искусство периода Эдо: гравюра и театр Кабуки; корейское театрализованное представление *пхан-сори*, корейская повесть, новеллы и анекдоты жанра *пхэсол*; тайская поэма и городской фольклор, малайские *хикайты*)⁷. А рядом с вьетнамским Высокоученым Куинем, тайландским Си Таном Чаем, лаосским Чиян Миангом и корейским Ким Сондалем⁸ окажутся и другие прославленные мудрецы и шутники мирового фольклора⁹.

Таким образом, появление книги «Высокоученый Куинь и другие забавные истории» не только расширяет наши представления о богатом духовном наследии народов Вьетнама, но и открывает новые пути для познания истории и этнографии народов Восточной и Юго-Восточной Азии.

Выход этой книги продолжает традиции перевода вьетнамского фольклора. Бережно сохраняя своеобразие подлинника, Н. И. Никулин как бы воссоздает на русском языке каждую из этих миниатюр.

Приятно сознавать, что остроумные, веселые и озорные шутки Высокоученого Куиня впервые зазвучали по-русски.

Р. Ш. Джарылгасинова

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Völkerrkundliche Abhandlungen (Niedersächsisches Landesmuseum, Abteilung für Völkerkunde). Herausgegeben von Hans Becher, Bd I—V. Hannover, 1964—1974.

Рецензируемая серия «Этнографические труды» выпускается в ФРГ Этнографическим отделом Нижнесаксонского музея. В последние годы в подготовке этого издания участвует также Этнологическое общество Ганновера.

Первый том серии, опубликованный под названием «Очерки этнографии Южной Америки», представляет собой юбилейный международный сборник, посвященный 65-летию выдающегося исследователя бразильских индейцев Г. Бальдуса. Составитель и ответственный редактор этого сборника, как и всех последующих томов серии, — крупнейший западногерманский этнограф-американист Г. Бехер.

⁵ Н. И. Никулин, Вьетнамские устные забавные рассказы и их взаимосвязи с китайской фольклорной традицией, в сб. «Изучение китайской литературы в СССР», М., 1973, стр. 333—348.

⁶ Проблема типологических взаимосвязей внутри дальневосточного региона разрабатывалась Н. И. Конрадом в кн. «Запад и Восток» (М., 1966), а на примере литератур Вьетнама и Кореи (в частности средневековой исторической прозы) впервые освещена в работе Н. И. Никулина «К типологии взаимосвязей средневековой исторической прозы», опубликованной в сб., «Типология и связи средневековых культур Востока и Запада» (М., 1974, стр. 117—151).

⁷ М. Гудзи, Японский театр Кабуки. Перевод с японского Б. В. Раскина, М., 1969; М. Никитина, А. Троцевич, Предисловие, в сб. «История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести», М., 1960, стр. 5—32; Д. Д. Елисеев, Корейская средневековая литература пхэсол, М., 1968, стр. 43—99; В. И. Корнев, Литература Таиланда, М., 1971, стр. 126—166; Р. Винстедт, Путешествие через полмиллиона страниц. История малайской классической литературы. Перевод с английского, М., 1966, стр. 69—73.

⁸ В. П. Пак, Корейская народная сказка (Опыт исследования национального своеобразия на публикациях конца XIX — середины XX вв.), Автореферат канд. дис., М., 1970, стр. 15.

⁹ Г. Пермяков, Прodelки хитрецов (Вступительная статья), в сб. «Прodelки хитрецов. Мифы, сказки, басни и анекдоты о прославленных мудрецах и шутниках мирового фольклора» (серия «Сказки и мифы народов Востока»), составитель Г. Л. Пермяков, М., 1972, стр. 7—29.

В юбилейном сборнике приняли участие свыше 30 ученых из Европы, Азии и Америки. Их статьи посвящены широкому кругу проблем этнографии, археологии и лингвистики Южной Америки, преимущественно Бразилии. Мы не будем рассматривать в отдельности каждую из статей сборника, хотя все они, на наш взгляд, представляют большой интерес, и коснемся только некоторых из них.

Из археологических статей наиболее значительна работа шведского исследователя С. Ридена, в которой анализируются находки остатков древней культуры в Можос (Боливия) и историко-этнографические сведения о прежнем индейском населении этого района. Автор приходит к выводу, что в прошлом, до испанского завоевания, здесь существовала довольно развитая система земледелия, сопоставимая по уровню с ранними формами ирригационного земледелия в прибрежных долинах Перу. В Можос имела также разветвленная сеть дорог. Все это, по мнению С. Ридена, позволяет предположить наличие довольно многочисленного населения, социальная организация которого далеко превосходила по уровню своего развития организацию остальных племен, живших в Можос в XIX—XX вв. Мы согласны с С. Риденом, что исследования в Можос подтверждают вывод, к которому пришел в последнее время ряд исследователей Амазонии, а именно, что в эпоху до начала европейской колонизации в этой области существовали более высокие формы хозяйства и культуры, чем в последние два столетия.

Несколько статей сборника посвящены вопросам современной социальной организации индейцев Бразилии и Гайаны. Это статьи американца В. Крокера о практике внебрачных связей в обществе индейцев рамкокамекра-канелла, швейцарца Г. Литши о возрастных классах каража, американки Г. Доул о шаманизме и формах социальной организации у куйкуру и некоторые другие.

В статьях Ф. Фернандеса и Н. Мьязаки (Бразилия) и В. Сааке (ФРГ) рассматриваются различные аспекты системы воспитания у тупиамба, араваков и банива. Привлекают внимание и имеют значительную научную ценность также статьи бразильцев Э. Гальвао и М. Симоэнса о культурных взаимовлияниях у племен верховьев Шингу в Бразилии, Р. Карнейро (США) и Т. Обаяши (Япония) о земледелии у амахауака Перу и шавантов Бразилии, К. Гиссинк (ФРГ) о народной медицине у индейцев такана в Боливии и т. д. С особым интересом читается опубликованный в этом же сборнике отчет Г. Айанса, индейца куна из Панамы, о его этнографических наблюдениях над индейцами одного из районов Колумбии.

Второй том рецензируемой серии представляет собой коллективный труд, посвященный вкладу в этнографию Лукаса Фишера (1780—1840). Уроженец Швейцарии Лукас Фишер провел 15 лет в Северной Америке, занимаясь торговлей. С 1823 по 1828 г. он жил в США, посещая время от времени также восточные районы Канады, а в 1828 г. переехал в Мексику, где оставался до 1837 г. В книге рассматривается многосторонняя деятельность Лукаса Фишера как этнографа-любителя, коллекционера и автора этнографических зарисовок.

Книга открывается предисловием ее составителя и редактора Ганса Бехера. В нем отмечается, что Лукас Фишер известен только немногим специалистам, так как материалы о его деятельности ранее не публиковались. По существу же имя Фишера может быть поставлено в один ряд с именами таких его современников (также художников-этнографов), как Георг Кетлин и Иоганн Морис Ругендас. Право на такое место в истории этнографической науки Фишеру дают собранные им ценные археологические и этнографические коллекции, богатые материалы по истории мексиканского костюма, уникальные данные о индейцах-криках США.

За предисловием следуют разделы, посвященные биографии Фишера и характеристике его как художника. Они написаны австрийским ученым Ф. Андерсом и швейцарской исследовательницей М. Пфистер-Буркхальтер. В следующем разделе рассказывается о пребывании Фишера в Мексике и анализируются его дневники, письма и эскизы, а также собранные в этой стране коллекции. Автор раздела Ф. Андерс приводит обширные выдержки из писем и дневников Фишера, представляющие значительную этнографическую ценность. Например, в одном из писем есть интересное описание жизни в мексиканском городе Веракрус. Большое внимание в этом разделе уделяется археологическим и этнографическим коллекциям, которые Фишер собрал в Мексике и привез в Европу, передав их здесь в основном Этнографическому музею Базеля. По словам Ф. Андерса, коллекции Фишера, включавшие оружие, утварь, одежду, произведения древнего и современного мексиканского искусства, стали первым большим собранием «ацтекских древностей» в музеях Европы. Фишер также собрал большую коллекцию восковых фигурок, изготовление которых было распространено в Мексике в первые десятилетия XIX в. Изучение этой коллекции, занявшей в музее Базеля отдельный зал восковых фигур, позволяет лучше узнать быт мексиканцев в период вскоре после провозглашения независимости.

Очень интересен и раздел, посвященный мексиканскому костюму. В сочетании с воспроизведенными в книге великолепными цветными и черно-белыми зарисовками Фишера текстовой материал раздела дает представление о повседневной и праздничной одежде различных этнических, профессиональных групп и социальных слоев населения Мексики в начале XIX в.

Специальный раздел, написанный австрийским этнографом Ч. Фистом, посвящен пребыванию Фишера в США и Канаде. Наиболее интересно описание Фишером индей-

цев-криков, у которых он побывал незадолго до их переселения в резервацию в Оклахоме.

В книге воспроизводится много сделанных Фишером зарисовок индейцев и мексиканцев в различных костюмах, а также произведений древнемексиканского искусства.

Книга заканчивается библиографией и каталогом рисунков, материалов и коллекций Фишера. Последние только в Этнографическом музее г. Базеля насчитывают около 1500 предметов.

В третьем и четвертом томах серии «Этнографические труды» был опубликован очень важный для каждого индеелиста труд Г. Бальдуса «Критическая библиография бразильской этнологии». Первая часть этого труда, включавшая более 1800 названий, посвященных индейцам Бразилии книг и статей с аннотациями или краткими рецензиями на них, впервые вышла в Сан-Паулу в 1954 г. В 1970 г. эта в высшей степени содержательная работа была переиздана. Второе издание, осуществленное в год смерти Г. Бальдуса, было подготовлено и отредактировано Г. Бехером и вышло как третий том рецензируемой серии. Этот библиографический справочник представляет собой аннотированный указатель источников и литературы о индейцах Бразилии с XVI и до середины XX в. В 1968 г. Г. Бехером все в той же серии была впервые опубликована вторая часть библиографии Г. Бальдуса, охватывавшая индеелистские исследования в период с 1954 г. по 1967 г. Эта вторая часть библиографии уже рецензировалась нами специально (см. «Советская этнография», 1969, № 6, стр. 171), и поэтому мы не будем на ней особо останавливаться. Заметим лишь, что вторая часть библиографии выпущена как четвертый том серии «Этнографические труды», хотя она и была опубликована на два года раньше, чем переиздание первой части, появившееся в качестве третьего тома указанной серии.

Пятой в рецензируемой серии вышла книга П. Фрикеля, бразильского ученого немецкого происхождения, «Тирио: их система адаптации». Тирио — индейское, карибское по языковой принадлежности племя, живущее вблизи границы Бразилии с Суринамом, в основном в пределах первой из названных нами стран. По новейшим оценкам, общая численность тирио составляет около 1200 человек. До последнего десятилетия это племя почти не имело контактов с неиндейским населением Бразилии и Суринама. И сегодня еще существуют некоторые группы тирио, избегающие встреч с неиндейцами. Но примерно с 1964 г. тирио испытали сильное европейское влияние и утратили часть своей традиционной культуры.

П. Фригель, проводивший исследования среди различных групп тирио с начала 50-х годов XX в., характеризует в своей книге традиционную материальную культуру этого племени в период до 1964 г. В последующих книгах о тирио он предполагает рассмотреть также их социальную организацию, религиозные верования и связанные с ними обычаи, а также язык. Однако уже в рецензируемой монографии автор несколько выходит за рамки собственно материальной культуры.

В отдельных главах книги характеризуются антропологические особенности тирио, их поселения и типы жилища, средства сообщения, формы хозяйства, пища, орудия охоты и рыболовства, оружие, домашняя утварь, одежда и украшения, музыка и музыкальные инструменты и т. д. Специальные главы посвящены половому разделению труда, генезису культуры тирио и ее месту среди культур других этнических групп района, включая сюда не только индейцев, но и лесных негров.

При характеристике различных аспектов материальной культуры П. Фрикель стремится, чтобы соответствующие главы не выглядели каталогом орудий труда, домашней утвари и т. д. Он показывает взаимосвязи между элементами материальной культуры, место каждого из них в целостной системе приспособления к условиям жизни. Поэтому в монографии подвергнуты внимательному рассмотрению «племенная экономика», нормы собственности и некоторые другие вопросы социальных отношений. Вместе с тем не описываются предметы, связанные с родами, похоронами, религиозной обрядностью, так как они, по мнению П. Фрикеля, являются материальным воплощением или отражением соответствующих социальных обычаев или религиозных верований и их целесообразнее рассмотреть в запланированных работах о социальной организации и религии тирио. Нам представляется правильным такой подход П. Фрикеля к отбору и организации материала для его первой книги о тирио.

Мы не будем останавливаться на содержании отдельных глав и отметим лишь одну особенность материальной культуры тирио — смешение в ней элементов культуры нескольких индейских племен Гвианы и даже лесных негров Суринама. П. Фрикель тщательно проанализировал эту особенность культуры тирио, проявляющуюся во многих ее аспектах. Например, благодаря влиянию соседних этнических групп ваiana, чарума и лесных негров у тирио встречаются несколько различных по своему типу и происхождению форм жилища: овальное, полуовальное, круглое в плане, прямоугольное с платформой, поднятой над землей на сваях и др. Для охоты тирио нередко пользуются стрелами, в которых, например, наконечник сделан так, как его изготавливают ваiana, дреvко — так, как его делают чарума и т. п. В книге приводится составленная П. Фрикелем таблица элементов материальной культуры, заимствованных тирио у их соседей — ваiana, чарума или у лесных негров. В последнее десятилетие, как уже было сказано, усилилось проникновение в культуру тирио и европейских элементов. Однако оно пока что не прервало у тирио процесс межплеменной аккультурации. Заканчивая свою книгу, П. Фригель высказывает предположение, что, отобрав и освоив наиболее подходящие

им элементы индейского и негритянского происхождения, тирео могут создать новый тип своей культуры, если только им дадут возможность спокойно жить и продолжать свое развитие.

Начало второго десятилетия серии «Этнографические труды» (1964—1974) ознаменовалось выходом в свет монографии Г. Бехера «Поре/Перимбо. Влияние лунной мифологии на образ жизни трех племен янонами — сурара, пакидай и иронаситери».

Янонами, или яноама, как их нередко называют, в настоящее время представляют; пожалуй, наиболее крупную по численности и по занимаемой территории индейскую этническую общность в зоне тропических лесов Южной Америки. Эта группа индейских племен живет на севере Бразилии и в соседних районах Венесуэлы на территории, ограниченной р. Уракузура на севере, средним течением Риу-Негру на юге, Риу-Бранку на востоке, горным хребтом Парима на западе. Общая площадь земель, занимаемых янонами, по разным оценкам составляет от 200 до 400 тыс. км², а численность этих индейцев превышает 15 тыс. человек.

Все янонами делятся на две враждующие между собой группировки — западную и восточную. Граница между ними проходит по левому притоку Риу-Негру р. Падауири. Западный союз возглавляется племенем вайка, а восточный — шириана. Из изученных Г. Бехером племен иронаситери принадлежат к западной группировке, а сурара и пакидай — к восточной. Г. Бехер отмечает, что племена обеих группировок говорят на незначительно различающихся говорах одного языка и имеют сходную культуру. В то же время между ними имеются и некоторые различия. Западные племена, за исключением вайка, обычно имеют самоназвания, оканчивающиеся на тери или тари: карауветери, араамеситери, иронаситери, шаматари и др. А самоназвания племен восточной группировки имеют окончания *a, u, e*: сурара, паравори, кариме и т. п.

Другое заметное различие состоит в том, что в западной группировке пост вождя наследуется сыном, а в восточной — братом умершего. Есть некоторые различия и в религиозных представлениях западных и восточных племен.

Говоря об особенностях культуры индейцев янонами, надо подчеркнуть, что эти племена лишь в последние два десятилетия вступили в контакт с внешним миром и до сих пор многие из них почти полностью сохраняют самобытную культуру. В то же время, как отмечает Г. Бехер, а также другие исследователи, янонами являются последними представителями самого древнего населения Южной Америки, потомками первых поселенцев этого континента.

Нам думается, что сочетание двух названных выше особенностей — очень древний характер культуры янонами и сохранение ее самобытности до настоящего времени обуславливает большое значение, которое изучение этой этнической группы может иметь не только для американистики, но и для истории первобытного общества.

Первые исследователи посетили янонами лишь 20 лет назад. Одним из них был Г. Бехер, который совершил три экспедиции (в 1955/56, 1966 и 1970 гг.) и прожил среди этих индейцев в общей сложности более двух лет. После первой экспедиции он опубликовал в 1960 г. книгу «Сурара и пакидай — два племена янонами в Северо-Западной Бразилии». В ней содержится большой новый материал о хозяйстве, материальной культуре и некоторых обычаях этих двух племен. Менее подробны сведения о социальной организации, мифологии и религиозных представлениях. Книга «Сурара и пакидай» формально не входит в рецензируемую серию, но фактически примыкает к ней. Эта первая монография Г. Бехера о янонами позволила ему в дальнейшем сосредоточиться на проникновении в духовный мир этих индейцев и явилась хорошей основой для дальнейших, более углубленных исследований социальной организации и религии во время второй и третьей экспедиций.

Бехер завоевал доверие янонами и стал полноправным членом сурара, пакидай и иронаситери с обязанностью участвовать в охоте, рыболовстве, помогать женщинам при собирательстве и с правом получать свою долю мяса, маниока, бананов и т. п., а также участвовать в обрядах лечения больных, охотничьей магии и др. Подобный образ жизни позволил ученому узнать о таких обычаях и верованиях, которые тщательно скрываются от чужаков.

Так был собран материал, легший в основу книги «Поре/Перимбо». Из подзаголовка книги «Влияние лунной мифологии на образ жизни трех племен янонами — сурара, пакидай и иронаситери» можно заключить, что автор ограничивается одной этой темой, но фактически содержание монографии Г. Бехера шире. В ее 10 главах последовательно рассматриваются религиозная картина мира по представлениям янонами, их мифология, представления о душе и мире умерших, доминирование женщин в лунной мифологии и их положение в современном обществе, лунная символика в раскраске тела, татуировке, амулетах и т. п., антропоморфизация окружающего мира в верованиях янонами, связи лунной мифологии и религии с социальной организацией, случаи нарушения запрета инцеста в семьях вождов, посмертное перевоплощение души, влияние лунной мифологии на мышление.

Книга сопровождается интересным графическим материалом, оригинальными фотографиями и подробной картой расселения сурара, пакидай и иронаситери.

Предисловие и заключение даны не только на немецком, но также на английском и португальском языках.

Мы не будем рассматривать содержание всех глав книги «Поре/Перимбо», а сосредоточим внимание на том, что представляется самым новым и важным в этом

исследовании. Мы имеем в виду пронизывающую всю книгу Г. Бехера идею о существовании у янонами в прошлом матриархата. Вот как пишет об этом сам автор: «В настоящей работе рассказывается о многочисленных и бесспорных пережитках господства в прошлом матрилинейного счета происхождения, который в позднейшее время преобразовался в билинейный счет происхождения. Прямительно, что в языке янонами нет слова „отцовство“» (стр. 99). Пережитки матриархата у янонами Бехер считает матрилокальность брака, бытование полиандрии, отсутствие брачной и внебрачной близости исключительно по инициативе женщины, ведущая роль женщины в семье, сохранение матрилинейности для дочерей, возмещение у сурара и пакидай звания вождя братом, а не сыном умершего, а также разделение до недавнего прошлого всего этнического массива янонами на две настоящие расы, связанные обязательными брачными отношениями. Наследниками этих двух братрий и являются западная и восточная группировка янонами.

Из мифологии племен янонами следует, что женщины в прошлом были вождями и шаманами и до сих пор женщины, по взглядам янонами, сохраняют особую близость к верховному божеству этих индейцев — духу духа Поре/Перимбо. Сами янонами верят, что этот порядок исчез потому, что у последней женщины-вождя не оказалось дочерей (стр. 48).

Г. Бехер отмечает, что идеи о матриархате на раннем и длительном этапе развития отсталых народов не пользуются популярностью в современной западной этнографии и что, «напротив, большинство западных этнографов считали раньше невозможным доказать эту фазу раннего матриархата. Для этой культурная форма отнюдь не означает неограниченного господства женщины и прежде всего наследование по женской линии, при котором брат женщины занимает в семье более важное положение, чем ее муж» (стр. 47—48). По мнению самого Бехера, результаты его исследований у сурара, пакидай и иронаситери подтверждают не взгляды противников матриархата, а «взгляды советских этнографов, согласно которым у охотников и тех, кто находится на переходном этапе (от охоты к земледелию), как правило, должен был существовать матриархат» (стр. 47). По данным Бехера, переход янонами от присваивающего к производящему хозяйству совершается всего лишь два-три поколения назад.

Что касается причин существования матриархата у доземледельческих народов, то одной из важнейших среди них Бехер считает большую роль женского собирательства, являющегося более постоянным и надежным источником средств существования, чем мужская охота (стр. 59).

Большое внимание автор уделяет также взаимосвязи между «материнско-правовыми» отношениями в обществе янонами и их религиозными представлениями, в частности о перевоплощениях души.

Нам представляется, что материалы об общественной жизни и религии трех племен янонами, впервые введенные в научный оборот монографией «Поре/Перимбо», будут способствовать правильному решению некоторых спорных проблем развития первобытного общества. Не вызывает сомнения и ценность этих материалов для изучения древнейших форм культуры южноамериканских индейцев.

Подводя итог обзору серии «Этнографические труды» Нижнесаксонского музея за первые 10 лет ее существования, можно с полным основанием сделать вывод, что эта серия уже внесла большой вклад в латиноамериканистику и в укрепление научных связей между этнографами разных стран.

Л. А. Файнберг